

Г.Д. Чесноков

Философия в постсоветской России

В предлагаемой статье автор оценивает состояние преподавания курса философии в постсоветской России и приходит к выводу, что уровень философской подготовки студентов российских вузов за минувшие 25 лет неуклонно снижался и достиг крайне опасного уровня.

Ключевые слова: философия; марксистская философия; советская философия; материалистическая концепция истории; эклектизм.

Чтобы понять и адекватно оценить состояние философии, а значит, и философских знаний учащихся высших учебных заведений современной России, следует поначалу напомнить, каков был уровень философского образования в Советском Союзе, правопреемницей которого после его распада стала Российская Федерация.

Уровень этот был, несомненно, достаточно высок, о чем, в частности, свидетельствовал интерес к отечественной философии со стороны наших западных коллег, который мы имели возможность наблюдать в ходе наших контактов с последними. Я не хочу сказать, что советская философия имела одни достоинства и никаких недостатков. Это было бы неправдой. Вместе с тем не следует забывать, что советское государство просуществовало чуть более семи десятков лет, что за это непродолжительное время наша страна сумела победить неграмотность, превратилась в самую читающую страну в мире, добилась выдающихся успехов в науке и освоении космоса. С перечисленными выше достижениями спорить невозможно, но уже в ходе перестройки (2-я половина 80-х гг. XX в.) со страниц газет и журналов все чаще и чаще стали раздаваться голоса о том, будто советское обществознание и, в первую очередь, марксистская политэкономия, не способны справиться со стоящими перед обществом насущными задачами, что западная экономическая наука в противоположность марксистской глубже вникает в проблемы развития экономики, что классовый подход к проблемам общественного развития не позволил правильно увидеть движущие силы посткапиталистического этапа развития истории.

То, что капиталистическая фаза мировой истории была преодолена западными странами уже к концу 60-х – началу 70-х гг. прошлого столетия, социология этих стран считала к середине 70-х гг. фактом вполне доказанным.

Идея вступления мировой цивилизации в стадию постиндустриального общества понемногу начинала укореняться и в сознании части советских обществоведов, включая, разумеется, и философов нашей страны. Между тем

теория постиндустриального общества (данный термин пришел к нам с Запада) имела свою оборотную и, кстати, вполне идеологизированную сторону, на которую со временем у нас в стране перестали обращать какое-либо внимание. Если встать на точку зрения, что эпоха постиндустриализма есть некая более высокая фаза общественного развития, нежели прежняя, капиталистическая, то этим признается ошибочным учение К. Маркса о социальной революции как законе общественного развития. Если бы обществоведы нашей страны глубже усвоили суть материалистической концепции истории К. Маркса и Ф. Энгельса, они бы никогда не заговорили о том, будто капиталистическая фаза мирового развития к концу XX столетия была успешно преодолена ведущими странами Запада. Постиндустриальный капитализм есть тот же самый капитализм, о котором поведал автор «Капитала», и основным законом развития данного общества остается острая конкуренция, в которой сильные устраняют слабых. Короче, серьезный порок советского общественнознания как минимум с середины 80-х гг. XX в. проявлялся в том, что посткапиталистическая, обусловленная использованием новых технологий и **капиталистической** глобализацией, фаза развития **капитализма** была воспринята частью советской интеллигенции как исчезновение капиталистических общественных отношений. Это, в свою очередь, порождало мысль, что частная собственность и капиталистическая частная собственность есть два совершенно разных вида собственности. Капиталистическая частная собственность, порождающая эксплуатацию чужого труда, как показалось некоторым, прекратила свое существование на Западе, а та частная собственность, которая вроде бы заменила исчезнувшую капиталистическую, не предполагает более эксплуатации человека человеком.

Основной тезис новых российских либералов, выдвинувших на политический олимп Б. Ельцина в противовес М. Горбачеву, звучал примерно так: социализм в конце XX столетия деградирует и никаких возможностей вернуть социалистической системе хозяйствования былую жизненную силу не существует, тогда как западная рыночная система конкуренции создает необходимый стимул для непрерывного развития экономики.

Отсюда вывод наших либералов-экономистов, которым загорелись сначала «команда» Горбачева, а позднее «команда Ельцина», свелся к утверждению, что следует как можно скорее устранить существующую в СССР государственную собственность, преобразовав ее в частную. К каким последствиям привели нашу страну либеральные реформы, хорошо известно. Ограничимся всего двумя примерами. Мы потеряли единую страну, а правопреемница СССР Россия за десять лет правления Ельцина потеряла 10 млн своих граждан.

Сегодня абсолютное большинство россиян считают либеральные реформы Ельцина – Гайдара преступлением против своей страны. Отметим, что начало этому процессу положила команда Горбачева, правда, она не довела дело до конца. Б.Н. Ельцин, отстранив Горбачева от власти, осуществил переход к капитализму быстро, но с очень тяжелыми для народа последствиями.

С переходом к капитализму российские граждане воочию познакомились с законами капитализма: безработицей, низкой заработной платой, платной медициной, платным образованием, но самое главное, неуверенностью людей в завтрашнем дне.

Кто же после всего вышесказанного оказался прав: отечественные неолбералы, которые уверяли с конца 80-х гг., что с отказом от социалистических завоеваний жизнь людей в нашей стране улучшится, или философ и экономист К. Маркс, который был убежден, что во имя увеличения своих прибылей владельцы капитала готовы идти на любые преступления?

Наш экскурс в прошлое имеет лишь одну цель: показать на фактах, что материалистическая концепция истории К. Маркса объясняет факты настоящего столь же успешно, как когда-то К. Маркс и его ученики объяснили факты истории применительно к XIX и первой половине XX в., благодаря чему учение К. Маркса успешно овладело сознанием значительной массы людей, живущих на нашей планете.

Несколько слов о так называемом государственном перевороте, предпринятом членами ГКЧП в августе 1991 г. На наш взгляд, это не было даже попыткой переворота, т. к. правительство страны никуда не исчезло, и хотя три дня президент Горбачев не появлялся на экранах телевидения, но никто его не лишал поста, не помещал в Матросскую Тишину и т. п. Настоящий государственный переворот в августе 1991 г. осуществил Б. Ельцин, фактически отстранив Горбачева от власти, арестовав всех силовых министров союзного правительства и, наконец, переподчинив союзное правительство правительству Российской Федерации (главой формально существующего союзного правительства Горбачев назначил председателя правительства России). Решение о роспуске СССР, принятое участниками соглашения в Беловежской Пуще, поставило последнюю точку в борьбе Ельцина за власть, но ценой его победы над Горбачевым стало уничтожение огромной страны.

До сих пор мы еще не вели речи о советской философии. Однако совершенно понятно, что развал Советского Союза заранее означал, что прежняя советская философия в новой стране перестанет существовать.

В самом деле, в вузах Советского Союза преподавалась марксистская философия. Либералы, пришедшие к власти, заранее предупредили, что социалистическая экономика в новой России должна быть устранена. Могли ли они, получив власть, не запретить сверху философию, представлявшую основу всей прежней советской идеологии? С советской философией, с советским общественным воззрением либералы не собирались церемониться. Вопрос состоял лишь в том, следует ли прежнюю философию заменить новой, отвечающей интересам вновь создаваемого в стране класса собственников, или просто закрыть философию, как некогда кое-кто намеревался закрыть Америку. Последнее может кому-то показаться глупой шуткой, но сегодняшняя реформа школы, а еще нагляднее — высшей школы, на наш взгляд, не что иное, как попытка освободить учебный процесс высшей школы от присутствия в нем философии в качестве самостоятельной учебной дисциплины.

Оглядываясь назад, я абсолютно уверен, что либералы с самого начала ставили цель объявить философию как учебную дисциплину в России вне закона. Но эта их цель не всеми философами страны была правильно понята. Целый ряд в основном молодых отечественных философов, получивших к началу 90-х гг. прошлого столетия ученые степени и ученые звания, почему-то решили, что либеральную власть не устраивает только марксизм и, если поторопиться и публично объявить себя критиком марксизма, в чем-то даже принимающим некоторые положения марксистской философии, то в стране утвердится особая плюралистическая модель философии, в рамках которой каждому, кто раньше других откажется от «догматизированной» марксистской философии, найдется своя ниша для занятия философией.

Вот уже более 25 лет автор настоящей статьи доказывает абсолютно очевидную истину. Марксистская философия никоим образом не исчерпала свой когнитивный потенциал. Она ни в коей мере не устарела, сколько и кто бы ни уверял нас в обратном, и два ее главных принципа — материализм и диалектика не только никем не были опровергнуты, но как только предпринимаются попытки доказать, что эти принципы вроде бы перестали работать, буквально тут же обнаруживается, что материалистическая теория возрождается из небытия, и законы диалектики вновь и вновь напоминают всем о своем существовании.

Говоря об отечественных философах, превратившихся в постсоветской России в «критиков» марксистской философии, нужно сказать, что я не убежден в том, что пафосный «критический настрой» в отношении Марксовой философии зиждется на убеждении, будто марксистская философия в самом деле устарела. Нет, причина в другом: изменившееся общество требует существования в нем уже иного рода интеллигенции, интеллигенции, выражающей интересы и потребности правящего в постсоветской России класса, которого живущие на средства этого класса сегодняшние российские интеллигенты не решаются называть адекватным термином — буржуазия, используя для этой цели более благозвучный термин — «предприниматели».

Ученые, отстаивающие интересы буржуазии, не могут в целом стоять на позициях объективности науки ни в философии, ни даже шире — в общественном знании. Об этом К. Маркс прекрасно сказал в послесловии ко второму изданию «Капитала». Вот что писал он об ученых-экономистах буржуазных стран: «...к нашим профессиональным ученым судьба остается по-прежнему немилостивой. Пока у них была возможность заниматься политической экономией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, то налицо были уже такие обстоятельства, которые больше не допускали возможности беспристрастного изучения этих отношений в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая экономия является буржуазной (речь идет о Европе второй половины XIX в. — Г.Ч.), т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как **исторически проходящую ступень развития** (выделено мной. — Г.Ч.), а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться

научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях...» [4: с. 14]. «С утверждением капиталистических отношений в Европе, — утверждал К. Маркс, — пробыл смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой угодливой апологетикой» [4: с. 17].

Удивительный парадокс! Либералы, число которых росло с развалом СССР, подобно грибам после дождя, не устают повторять, что приверженность марксизму отечественной философии, равно как и обществензнания в целом, замедлило творческий процесс в указанных областях. На деле картина совершенно обратная. Современные российские философы, если не вникать в суть того, чем они сегодня занимаются, довольно активно трудятся на ниве философской науки. Но каких успехов им удалось достичь за четверть столетия? Общество довольно подробно познакомилось с творчеством К. Поппера, И. Лакатоса, Т. Куна, но разве можно их работы по методологии науки рассматривать как последнее слово в области философии? Ведь даже после смерти Поппера и Куна, не говоря о Лакатосе, минуло 20 лет. Между тем их философские воззрения сложились не в последние годы жизни. То же самое можно сказать относительно интереса нынешних историков философии к творчеству Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского и других религиозных философов начала XX в. Ответ один. В современной России стало немодно, если не сказать сильнее, заниматься марксистской философией, а в результате наметился явный уход от действительности, в первую очередь, от изучения современного российского общества.

В этом плане показательна эволюция самого именитого, в плане налиц у него высших ученых званий и наград, академика РАН Теодора Ильича Ойзермана. Основная работа, принесшая автору достаточно рано докторскую степень, профессорское звание, позже избрание в Академию наук, Государственную премию, — это его книга «Формирование философии марксизма». К началу 2000-х на тот момент явно уже немолодой, 1914 года рождения, академик Ойзерман внезапно осознал, что всю жизнь прославлял не ту философию, которую следовало. Через сто лет после Э. Бернштейна он неожиданно для себя и тех, кто слушал его лекции в МГУ и читал работы, выходившие в Советском Союзе, решил, что от К. Маркса следует двигаться «назад к Канту». Кант, несомненно, выдающийся мыслитель своего времени, но почему мы должны верить Т.Н. Ойзерману на слово, что он затмил собой не только Гегеля, но еще и К. Маркса. В это невозможно поверить уже только по той простой причине, что эпоха, вызвавшая к жизни философию Гегеля, а тем более К. Маркса, обогатилась в наступившем столетии новым более глубоким содержанием в сравнении с эпохой, в которую жил И. Кант.

В настоящей статье я не буду специально останавливаться на философских изысканиях «позднего Ойзермана» относительно того, в чем академик смог возвыситься над «ранним Ойзерманом», поскольку я уже имел возможность показать, что критика Т.И. Ойзерманом материалистической концепции истории зиждется на том, что он, как выяснилось, никогда ее правильно не понимал, но долгие годы в этом, если не себе самому, то, по крайней мере, вслух, еще не признавался. Читателя же, заинтересовавшегося моей полемикой с эклектичной точкой зрения Т.И. Ойзермана на ход исторического развития, я могу отослать к одной из своих прошлых работ [7].

Чтобы освободить преподавание философии от проникновения в учебный процесс идей К. Маркса, наша либеральная власть воспользовалась услугами небезызвестного Дж. Сороса, кстати, ученика К. Поппера. Американский миллиардер в принципе даже не очень-то и материально потратился на создание им для России новых учебников и учебных пособий по философии. Эти учебники писались вчерашними советскими философами, но содержание их стало теперь иным. Они были «деидеологизированы» таким образом, чтобы современные учащиеся забыли навсегда о том времени, когда изучение трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина в вузах страны являлось обязательным.

Кто-то может спросить, а так ли это важно, чтобы современные молодые люди читали и изучали работы классиков марксизма? Разве мало в истории философии других мыслителей, внесших весомый вклад в развитие мировой философской мысли? Разумеется, немало, но дело все в том, что философия выражает самосознание общества на каждом конкретном этапе человеческой эволюции иначе, чем на предыдущем. Философия К. Маркса возникла в то время, когда кризис буржуазной цивилизации стал столь очевидным, что от мыслителей потребовалось дать ясный ответ на вопрос, почему рост общественных богатств, позволяющий с лихвой удовлетворять основные потребности населения планеты в средствах существования, оборачивается для человеческого рода ростом бедности, болезнями, войнами, уносящими миллионы жизней, и многим другим. Об этих негативных сторонах прогресса западной цивилизации философы буржуазных стран говорят, и подчас достаточно громко, но истинного виновника сегодняшних человеческих несчастий они при этом не называют. А он существует, и имя ему Капитал. Чтобы продолжать расти, Капитал требует для себя новых и новых жертв, но удовлетворить его все растущие аппетиты при этом невозможно.

Люди, только приступающие к изучению философии, должны с самого начала правильно понять истинную **природу** философского знания. Выше мы уже говорили об этом, но тем не менее повторимся. Философия есть **общественное сознание**, которое порождается общественным бытием (материальными производственными отношениями существующего общества). Общественное сознание не может кардинально поменяться до тех пор, пока кардинально не изменился базис существующего буржуазного общества, иными словами, его общественное бытие. Когда «критики» марксистской философии в качестве главного и, как

им кажется, убийственного аргумента, почему они не принимают марксистских воззрений, заявляют, что нет смысла обращаться к философии, появившейся в середине позапрошлого века, и что после ухода из жизни Маркса мир коренным образом изменился, а значит, нужны другие идеи, которых в «устаревшей» философии К. Маркса искать бессмысленно, то они этим лишь доказывают, что смысл феномена «философия» они в действительности для себя не уяснили. Философский взгляд — это то, как люди, живущие в существующем обществе, воспринимают данное общество и самих себя в нем. Это то, каковым данное общество является на самом деле.

Если утверждается, что марксистские взгляды на мир устарели, значит, первое, что должны показать сегодняшние оппоненты марксизма, — это доказать, что природа капиталистического общества, которую с удивительной тщательностью исследовал К. Маркс, оказалась совершенно не той, какой она предстала со страниц главного труда его жизни — «Капитала». Конечно, фасад капиталистического здания в Европе, США, Канаде, Японии, Южной Корее и ряде других буржуазных стран существенно изменился в сравнении с тем, каким капиталистические страны выглядели во второй половине XIX в. Но механизм капиталистической экономики функционирует по той же обычной схеме, что и при Марксе: деньги – товар – деньги.

Производство растет и совершенствуется не для того, чтобы удовлетворять потребности населения капиталистических стран, а для того, чтобы увеличивать прибыли владельцев капитала. Прибыли миллиардеров в мире неуклонно растут, тогда как общее их число год от года сокращается. А раз это так, значит, противоречие между трудом и капиталом никуда не исчезло, и классовая борьба продолжается в каких-то новых формах.

Стоит заметить, что западные критики К. Маркса отличаются много большей толерантностью в своем отношении к автору «Капитала», нежели наши доморощенные. На Западе мало кто решится отрицать то, что К. Маркс был выдающимся ученым. Но философия, говорят они, это же совсем другое дело. В философии Маркс пошел по пути гегелевской рационалистической философии, и результатом этого явилось то, что Марксовы прогнозы в отношении будущей истории оказались погоней за «синей птицей». К. Поппер назвал Гегеля и Маркса «историцистами», т. е. мыслителями, чьи исторические прогнозы построены не на исследовании фактов, а на стремлении подогнать факты под заранее придуманную их авторами концепцию истории. Вывод очевиден. Философ Маркс убил в нем талант крупного ученого-исследователя.

Мы бы не стали останавливаться на этом противопоставлении К. Маркса — философа-историциста (К. Поппер) или социалиста-утописта (Э. Бернштейн) Марксу — диалектическому материалисту и научному социалисту, если бы наши отечественные «критики» К. Маркса не оценивали его сегодня, по существу, ровно так же, как это традиционно делали философы Запада. Логика этой «критики» марксизма примерно следующая: если бы К. Маркс жил в XX в., а тем паче в XXI в., он бы и сам признал, что поспешил

со своим выводом, согласно которому капитализм идет к собственной гибели. Показательно, что бывший марксист Т.И. Ойзерман в постсоветской России материалистическую концепцию истории К. Маркса интерпретировал уже не как научную, а как отчасти научную (относительно прошлой истории), но, с другой стороны, во многом уже ненаучную [6].

Аналогичный «шедевр» в отношении материалистической концепции истории в своем учебном пособии по социальной философии высказал нынешний заведующий кафедрой социальной философии философского факультета МГУ профессор К.Х. Момджян. «Цивилизационная парадигма (т. е. идеализм в понимании истории — это всего только парадигма, которую легко можно заменить и другой парадигмой. — *Г.Ч.*), — пишет К.Х. Момджян, — отнюдь не исключает формационной парадигмы (т. е., дорогой читатель, не верьте Ф. Энгельсу, который писал, что материалистическая концепция в истории — это одно из двух величайших открытий, которым мы обязаны К. Марксу, а верьте мне, социальному философу К.Х. Момджяну. — *Г.Ч.*), вполне совместима с ней, дополняет и обогащает ее, открывая те грани исторического процесса, которые остаются вне пределов зрения экономического взгляда на историю. Нам не нужно, — пафосно заключает автор, — выбирать между Марксом и Тойнби, поскольку каждый из них делает нужное для науки дело» [5: с. 429].

В советское время, когда основные работы классиков марксизма были включены в учебные программы всех вузов страны для их изучения студентами, наши последующие объяснения того, что представляла собой философия К. Маркса, были бы, пожалуй, излишними, но сегодня обойти стороной данный вопрос не представляется возможным. В самом деле, если считается само собой разумеющимся, что цивилизационная концепция истории А. Тойнби и Марксова концепция истории способны дополнить одна другую, то к чему было все советские годы противопоставлять материализм в истории идеализму?

Философия марксизма возникает в середине 40-х гг. XIX в., став результатом творческого переосмысления достижений наук и одновременно слабостей немецкой идеалистической философии первой половины XIX в. Эту философию К. Маркс и Ф. Энгельс ценили, в первую очередь, за то, что их предшественники — и Кант, и Фихте, и Шеллинг, и Гегель — своими философскими исследованиями сумели внести весомый вклад в то, чтобы диалектический взгляд на мир стал к началу XIX в. в среде подавляющего большинства европейских философов преобладающим, что привело к значительным успехам во всех сферах научного познания. Успехи естествознания не могли не усиливать позиций материализма как в науке, так и в философии. Но в области общественной жизни позиции идеализма оставались еще и в начале 40-х гг. XIX в. непоколебимыми. В то время как ученые-естествоиспытатели искали и находили источники развития внутри самой природы, источником поступательного движения в истории философами признавался только **внешний** источник — прогресс человеческих знаний. Данное противоречие (природа

развивается под влиянием внутреннего источника развития, борьбы противоположностей, а общественная жизнь — внешнего роста знаний) требовало своего разрешения, ибо под влиянием успехов естествознания становилось все более очевидным, что общественная жизнь могла возникнуть только как следствие эволюции объективно существующей природы.

О том, что, объявляя просвещенный Разум источником развития общества философы оказываются в порочном кругу, К. Маркс писал уже в «Тезисах о Фейербахе» (1845 г.): «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как **революционная практика**» [2: с. 2].

Так чем все-таки философия К. Маркса отличается от его философских предшественников, включая представителей немецкой классической школы философов? Тем, что он создал философию, которой в истории до него не существовало, — философию **диалектического материализма**. К. Маркс убедительно показал, что последовательный материализм неизбежно приводит к диалектике, появлению новой формы диалектики — диалектики материалистической, и, наоборот, убережет философию от противоречий диалектического разума способен только последовательный материализм.

Чтобы убедить людей в несостоятельности Марксовой материалистической философии, требуется для начала доказать, что целостная материалистическая философия в принципе существовать не может, а потому место материалистического монизма должны занять либо идеалистический монизм, либо плюрализм. В современной отечественной философии (сказанное мы постарались показать на примере Т.И. Ойзермана и К.Х. Момджяна) возобладала тенденция насаждения философского плюрализма. В этом случае бороться с марксистской материалистической философией много легче. Последней вроде бы и не отказывают в праве существования, правда, в одном ряду с другими идеалистическими философскими школами и течениями.

Нас подобный философский симбиоз, составленный на основе механического соединения философских направлений, покоящихся в одних случаях на материалистической аргументации, в других — на идеалистической, как-то не увлекает. Эклектизм — это, несомненно, порочный путь развития философии. В этой связи мне остается лишь повторить то, какими словами я заканчивал свою полемику с Т.И. Ойзерманом относительно Марксовой материалистической философии. «Т.И. Ойзерман, — констатировал я, — отчасти за исторический материализм, но чтобы при этом не забывался и противоположный взгляд на историю. Такая

точка зрения существует очень давно и имеет в философии свое название — эклектизм. Но она не всех может устроить. О вкусах, как говорится, не спорят. Хочешь быть эклектиком, будь им, но только при этом не надо изображать из себя крупного знатока исторического материализма. Т.И. Ойзерман таковым не является» [7: с. 269].

В постсоветской России, конечно, не сразу, а постепенно, утвердилось своеобразное отношение к учению К. Маркса. Нельзя сказать, что на обсуждение проблем Марковского учения власть наложила строгое табу, но тем не менее оно находится под зорким контролем властей. Общая оценка такова: это учение существует давно, за минувшие годы ничего нового в нем не появилось, суть же его предельно проста: классовая борьба — закон общественного развития, и через социальные революции открывается путь в светлое будущее. Мы ничего здесь не утрируем — это едва ли не дословное изложение оценки нашей либеральной интеллигенцией учения К. Маркса. То, что это учение включает в себя три составные части (политэкономия, философию и теорию научного социализма), об этом сегодня даже не упоминают. Таким образом, о марксизме у нас больше не говорят на занятиях по философии просто потому, что говорить о нем нечего.

Если бы учащиеся вузов сами читали произведения К. Маркса, Энгельса и их учеников, они бы, несомненно, заинтересовались вопросами, почему это «никчемное» учение было взято на вооружение первоначально всеми социал-демократическими партиями Европы, имеющими в начале XX в. мощные парламентские фракции, а позднее уже и коммунистическими партиями, насчитывавшими в свое время миллионы членов на всех континентах планеты.

После распада Советского Союза международное коммунистическое движение пребывает в глубоком кризисе, но после окончания Второй мировой войны оно представляло собой наиболее влиятельное общественно-политическое движение в мире, и на это, конечно, должны же были существовать какие-то объективные причины.

Сегодняшнее молодое поколение россиян не имеет адекватного представления ни о марксизме в целом, ни о марксистской философии, в частности. В этом приходится убеждаться всякий раз не только на занятиях со студентами, но и с аспирантами, которые как-никак больше студентов занимались изучением проблем философии.

Казалось бы, из нынешней ситуации есть удачный выход: какую-то часть часов из курса общей философии отвести на ознакомление с марксистской философией. В современной России одного этого сделать невозможно. Во-первых, количество часов по философии, как, впрочем, и по всем гуманитарным дисциплинам регулярно сокращается и насчитывает (я привожу самую высокую цифру, так как на ряде специальностей она значительно ниже) всего 20 часов лекций и 16 часов семинаров. Для сравнения: в советское время количество часов, отводимое на изучение марксистско-ленинской философии в технических вузах, составляло 90 часов. В гуманитарных вузах эта цифра была значительно больше, к тому же там дополнительно читался еще курс истории философии.

Значит, Министерство образования изначально исходит из того, что с марксистской философией выпускникам российских вузов знакомиться не следует. Фактически сегодняшний курс философии в отечественных вузах — это создание видимости, что выпускники вузов получают в ходе учебы подготовку по философской специальности. Кстати, стоит отметить (я это знаю из личных бесед со студентами зарубежных высших учебных заведений), что количество часов, отводимых на изучение философии в европейских странах на негуманитарных специальностях превосходило то, которое выделялось программой Министерства высшего и среднего образования в советские годы. Такого жалкого существования, которое влечит существующая система высшего образования в современной России, особенно по философии, страна не имела ни в дореволюционной России, ни тем более в СССР.

Впрочем, невозможность для нынешней студенческой молодежи России познакомиться с философией диалектического и исторического материализма определяется не только недостатком часов на изучение даже общего курса философии в вузах. Существует и другое препятствие, которое трудно преодолеть и на котором есть смысл в данной статье специально остановиться. Философия К. Маркса не появилась как «Минерва из головы Юпитера». Она возникла в определенных условиях и в определенное время, когда, как было уже отмечено, капиталистический способ производства начал давать сбои, выражавшиеся в периодически повторяющихся кризисах перепроизводства товаров. Чтобы правильно понять эту философию, требуется знать (и знать хорошо) ту философию, которая предшествовала появлению марксизма, начиная с философии древних греков. Без подобного знакомства усвоение философии К. Маркса не достигнет цели. Бесполезно изучать Марксову диалектику без предварительных знаний идеалистической диалектики Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Выше мы говорили о том, что либералы, хоть они и не составляют большинства нашего общества, по-прежнему не сходят с экранов телевизоров, полос газет и журналов. Как ни мало у них мыслей, но они имеют широкие возможности довести свои воззрения до сведения широкой публики. В результате у какой-то части общества складывается впечатление о их будто бы образованности, но это не более чем иллюзия. Образованность достигается тяжелым трудом, а у всех наших либералов без исключения «легкость в мыслях необыкновенная». Для усвоения глубоких знаний ум либерала как-то не приспособлен. Чтобы обосновать то, что они хотят, они надергивают факты, которые поворачивают так, как им удобно. Философия К. Маркса есть самая глубокая философия, которую до настоящего времени сумела выработать философская мысль. Если бы это было не так, авторитет и влияние гегелевской философии остались бы и по сей день непоколебимыми. Либералы сознательно упрощают учение К. Маркса, сводя его к набору отдельных вырванных из контекста высказываний. Честная борьба с марксизмом им явно не под силу. Поэтому они первоначально приписывают марксистам мысли, которых те в действительности не высказывали, а после этого торжественно опровергают «неверные идеи марксизма».

Древние говорили: «Не верьте данайцам, дары приносящим». Я бы изменил эту фразу на следующую: не верьте либеральным «критикам» марксизма в том, как они критикуют воззрения марксистов. Каждый раз, когда либерал приводит в доказательство ошибочности то или иное положение марксизма, возьмите первоисточник, сверьте с ним их высказывания и вы убедитесь, что в изложении либерала присутствует подвох.

Кем был К. Маркс? Ф. Энгельс, выступая у него на могиле, дал на этот вопрос вполне исчерпывающий и, безусловно, объективный ответ: Маркс был ученым, великим ученым. «Маркс, — говорил Энгельс, — открыл закон развития человеческой истории... Но это не все. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область сразу была внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках. Двух таких открытий, — продолжал Энгельс, — было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был бы тот, кому удалось сделать даже одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, — даже в области математики, — а таких областей было очень много, и ни одной из них он не занимался поверхностно. Таков был этот муж науки» [3: с. 350].

Вести научную полемику — не значит опровергать воззрения выдающегося ученого, лишенного возможности показать во всей полноте нищету философских воззрений его ныне живущих критиков. К сожалению, ответить своим «критикам» К. Маркс сегодня не может. После 1883 г. это с успехом делали его ученики, не позволившие в начале XX столетия ревизионизму опровергнуть величайшее достижение философской мысли — материалистическую диалектику. С другой стороны, новые попытки обесценить значение этой философии не могут не повторяться до тех пор, пока сохраняется нынешняя система наемного труда, позволяющая воротилам капитала содержать на награбленные миллионы наемных писак из числа лиц, занятых в сфере интеллектуальной деятельности. Почему это оказалось возможным в прошлом и будет наверняка повторяться в будущем, автор «Капитала» убедительно объяснил сам. «В области политэкономии (от себя прибавим, философии и обществознания в целом. — Г.Ч.) свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурии частного интереса» [4: с. 10].

Подведем итог. Действующая в России система философского образования — не более как имитация того, будто за годы учебы в вузах будущие молодые специалисты способны обрести нужные для них знания в области философии. На самом деле за время, которое отводится, согласно планам министерства, на изучение курса философии, этих знаний получить невозможно, особенно

если учесть, что область истории философии включает в себя, как известно, еще и историю отечественной философии.

В результате невозможно познакомить студентов даже с наиболее выдающимися фигурами, внесшими значительный вклад в сокровищницу мировой философской мысли. Далее. Ввиду явного недостатка часов на освоение курса философии из него первыми оказались исключенными те мыслители, чьи воззрения в нынешней России признаны излишне идеологизированными (философия русских революционных демократов и само собой, разумеется, материалистическая философия К. Маркса и его учеников). Наконец, третье. Изучение методологической роли философии в сегодняшней России целиком сведено к изучению работ логических позитивов и тех западных философов, которые, отказавшись от позитивистского принципа верификации, начали осуществлять поиск истинности в науке, игнорируя существование объективной реальности (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун). В результате этих «поисков» уровень философских знаний нынешней учащейся молодежи в России не только не вырос по сравнению с тем, что давала в прошлом советская высшая школа, а, напротив, значительно снизился. К сожалению, Министерство образования Российской Федерации этим фактом отнюдь не встревожено, а его линия на дальнейшее сокращение гуманитарной составляющей российского образования, включая сюда и философию, в учебных планах по подготовке выпускников вузов в последнее время только увеличивается.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1974, 1981. XXII, 695 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. 629 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. 670 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 907 с.
5. Момджян К.Х. Введение в социальную философию: учебное пособие. М.: Высш. школа, КД «Университет», 1997. 448 с.
6. Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 3–33.
7. Чесноков Г.Д. Материалистическая концепция истории (современная дискуссия) // Чесноков Г.Д. История философской мысли: традиции и новации. 2-е изд., доп. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 244–269.

Literatura

1. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 41. 5-e izd. M.: Gospolitizdat, 1974, 1981. XXII, 695 s.
2. Marks K., E'ngel's F. Soch. T. 3. M.: Gospolitizdat, 1955. 629 s.
3. Marks K., E'ngel's F. Soch. T. 19. M.: Gospolitizdat, 1961. 670 s.
4. Marks K., E'ngel's F. Soch. T. 23. M.: Gospolitizdat, 1960. 907 s.
5. Momdzhyan K.X. Vvedenie v social'nyu filosofiyu: uchebnoe posobie. M.: Vy'ssh. shkola, KD «Universitet», 1997. 448 s.
6. Ojzerman T.I. Materialisticheskoe ponimanie istorii: plyusy' i minusy' // Voprosy' filosofii. 2001. № 2. S. 3–33.

7. *Chesnokov G.D.* Materialisticheskaya koncepciya istorii (sovremennaya diskussiya) // *Chesnokov G.D.* Istoriya filosofskoj my'sli: tradicii i novacii. 2-e izd., dop. M.: Izd-vo RAGS, 2010. S. 244–269.

G.D. Chesnokov

Philosophy in Post-Soviet Russia

In the proposed article, the author assesses the state of the teaching of the course of philosophy in post-Soviet Russia and concludes that the level of philosophical preparation of students of Russian universities over the past 25 years has unquestionably declined and reached an extremely dangerous level.

Keywords: philosophy; Marxist philosophy; Soviet philosophy; the materialistic conception of history; eclecticism.